

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0070.01.01

Валентина Русакова

25 августа 2012

Таре #1

- Попросите Эдгараса, чтобы он окно закрыл. Мы не можем его закрыть тут изнутри.
- А нужно сказать там, что «закройте окно с улицы». С улицы закройте.
- Извините, пожалуйста, тут задержались пока окно закрыли.
- Спасибо Вам большое, что Вы согласились с нами встретиться.
- Пожалуйста, пожалуйста.
- И сначала хотела попросить, чтобы Вы представились. Как Ваше имя и фамилия?
- Русакова Валентина Афанасьевна.
- В каком году Вы родились?
- В тысяча девятьсот тридцатом. Восьмое января тысяча девятьсот тридцатого года.
- И где?
- Вот здесь, в деревне Каменка, Слободковского сельского совета, Бобруйского района, Могилевской области.
- Несколько недель тому назад мои коллеги к Вам приезжали, и Вы делились своими воспоминаниями, если Вы помните. И мы вернулись обратно, чтобы эти Ваши воспоминания записать. Скажите, пожалуйста, Вы помните как началась война?
- Помню. Это было очень страшно. Это был... был воскресный день, когда объявили войну. И где-то в пять часов вечера начали нас... здесь недалеко был военный аэродром. Вот. И, значит, началась бомбежка. Это было ужасно страшно.
- Что было потом?

– Потом через, где-то... не помню тол... точно не скажу. Наверное, где-то через пару дней здесь уже... да, где-то через два дня появились уже немецкие части у нас. Первая часть вела себя, помню я так, довольно прилично. Один товарищ на... говорил чисто на русском языке. Он, видимо, ну не знаю кто он такой был. Он собрал, значит, жителей деревни. Мои родители там, значит, присутствовали. И, значит, всех... всем говорил, что как нужно себя правильно вести: «Не выдавайте друг друга, потому что это, значит, это есть война. Это есть то, это есть другое». Кто... кто коммунист, кто комсомолец... в общем, учил народ как себя нужно правильно вести. Это первое было, это первое было такое впечатление моих родителей, что...

– Так он был немец или русский?

– Он был... он... он был в немецкой форме, но он разговаривал чисто на русском языке. Может, какой-то мигрант из России. Неизвестно.

– И что было потом?

– Ну потом, что потом... потом начались ужасы войны. Это было ужасно. Потом, значит, вот какое мое было первое детское впечатление. Сразу, значит, здесь у нас, за нашим домом был колхозный двор. Очень хорошо огорожен высоким забором. Вот. И большая площадь. Были длинные сараи. Вот так. И что, это самое, и первым делом сюда пригнали военнопленных. Вот так. Ну так, чтобы видно было как они над ними издевались – это не видно было. Ну они были голодные. Вот так. Потом военнопленных убрали отсюда и, значит, при... какая-то часть воинская приехала. Так называли «Обоз», короче говоря. Вот. На лошадях. И такие были ноги здоровые у этих лошадей. И здесь вот недалеко от нашего дома стояло такое здание небольшое. Вот. И они, значит, там устроили ку... это, кузницу. И пригнали евреев. Пригнали евреев, таких мужчин, примерно, вот возраста от тридцати до сорока лет. Таких... такого возраста мужчины. И когда, значит, этот кузнец подковывал лошадь, то заставляли евре...

еврея держать эту ногу. Как только он ногу отпускал, прямо вот этим раскаленным рашпелем они толкали в лицо. По вечерам... по вечерам они устраивали развлечения. Это было ужасно, ужасная сцена была. Значит, становился один товарищ в центре круга, привязывали большущий канат. К этому канату привязывали лошадь. К лошади привязывали еврея. Становились все вокруг, по кругу с нагайками. Вот только я часто размышляю: вот, за какую часть тела привязывали, вот это я не помню. У нас там было окошко. Вот я становилась на окошко. Родители мне не разрешали. Не ра... ой. Родители мне не разрешали это смотреть. Вот. Но я становилась, очень любопытная была и смелая была девчонка. Вот. И потом, значит, так этот товарищ стоял, управлял этим канатом вокруг себя. Эти стаяли нагайками... сначала, значит, они, значит, били лошадь, а потом сразу же били еврея, человека этого. Все. Ну сколько он там, ну два круга пробежит за этой, под страхом. За этой лошадей. И он естественно падал, его тянули. Один раз я видела, что у одного была рука оторвана. Родители меня хватали с окошка, не давали мне. И я, конечно, плакала. Но забирали меня и не давали на этот ужас смотреть. Ну это где-то длилось, наверное, недели две эта часть стояла. Потом они уехали.

– Про это окошко расскажите. Окошко выходило во двор?

– Вот да. Так вот прямо за нашим вот... стена, глухая стена нашего дома – это был рубеж. Это этого колхозного двора. И вот здесь же все, а тут в стенке окошко и тут все это происходило. Я, значит, к окошку и смотрела. Через забор это все было мне видно. Вот так. Родители забирали меня, кричали на меня, не давали на эти ужасы смотреть. Вот так. Потом какое самое страшное впечатление осталось в моей памяти. Это октябрьский, как у нас называли «октябрьские праздники». В ночь на шестое ноября сжигали военнопленных в Бобруйске. Это как так называемые были, ну, военные казармы там были. И вот там, ну не знаю это по точным данным, это же есть такие зафиксированные точные данные, но говорили, что семь

тысяч за ночь сожгли. Здесь, у нас это особо только слышен был запах дыма, у нас. Вот. Но там ближайšie, жители ближайших деревень, которые поближе были к городу, говорили, что даже слышен был и запах. Вот. Это... это длилось всю ночь. Это, значит, это было в ночь с шестое на седьмое ноября. Седьмое ноября уже вот здесь, значит, была такая... ну сейчас там дом престарелых у нас. Здесь были здания, здесь был какой-то... какая-то станция была, радиостанция была. Ну там несколько зданий было. Вот. И уже се... утром... сутра седьмое ноября уже машинами везли расстреливать евреев. Там вот недалеко в лесу от этого здания, там уже были приготовлены ямы. Там, по-моему, или три, или две ямы. Я уже не помню это. Там я не была. Вот. И это, точно уже не помню, два или три дня днем и ночью строчил пулемет. В одну, значит, в первую дверь... здание такое было: коридор был длинный. В первую, значит, дверь, значит, людей, значит, люди заходили в одежде, а уже во вторую дверь выходили в нательном белье, выгоняли их. Вели прямо к этой, значит, к этим ямам и, вот, и расстреливали.

– Как это здание называлось?

– Ну я не знаю. Они же сейчас эти здания стоят. Вот сейчас там дом престарелых. Но точно я уже не помню, потому что там еще настроили зданий. Вот так.

– Вы могли видеть как они входили и выходили?

– Это... Это я не видела. Это уже кто видел, очевидцы говорили.

Очевидцы говорили, значит, что...

– Сколько километров от Вас вот это здание?

– Ну, может... может, километр... может, километр и будет. Может, километр, там каких-нибудь, и сто метров еще. Вот буквально за шоссе. Вот там, сейчас там дом престарелых. Дом инвалидов.

– Кроме стрельбы... кроме стрельбы Вы могли слышать звуки какие-нибудь, голоса?

– Нет, нет. Это уже нет. Это не слышно было. Но пулемет строчил день и ночь. Так. Потом по рассказам очевидцев, которые... но это, никто об этом признаться не мог. Вроде бы трое деток, три мальчика бежали. И кто-то тут из жителей их... ну все же боялись об этом сказать. Кто-то их приютил. О дальнейшей... о дальнейшей судьбе этих деток я не слышала, не знаю. Но разговор такой был, что три мальчика бежали. Сбежали, значит, и, это самое... очевидцы, которые там уже бывали, так говорили, что, значит, что несколько дней эта моги... могилы эти «дышали». Вот так. Ходили ходуном.

– Что они говорили: кто стрелял?

– Ну кто стрелял. Немцы стреляли. Кто стрелял...

– А откуда было известно, что это именно евреев расстреливают?

– Ну как откуда известно. Это уже точно я не скажу, но там на них была страшнейшая погоня. Страшнейшая погоня была. И забирали всех подряд. Вот, весь город вывезли сюда. Кто... кто не уехал, кто не...

– А Вы видели как их везли на то место?

– Нет, я не видела. Но ехали, это... это же видели очевидцы. Это же было, знаете, какой-то был ужас. Это было... какое было... это, это был факт на лицо. Люди есть, которые видели. И потом уже где-то седьмое или восьмое ноября, точно не помню, значит, остальных военнопленных, которые остались живы, гнали в сторону вот по этому шоссе, по Москва-Брест. Так? А куда уже их гнали я не знаю. И товарищи, которые не могли уже идти в строю, которые становились слабыми, значит, их же сразу расстреливали. Сразу и убивали. И потом еще вот и отец мой, и жители деревни, значит, уже мужчины, гнали, чтобы их закапывали. И так только уже вот, когда уже чувствует, что слабеет, то уже знает, что его убивают, лицо закрывает, руками закрывает лицо. И все, уже знает, что ему смерть. И тут же сразу его стаскивали в обочину.

– Вы видели эти трупы?

– Нет. Нет, кто же меня допустит до вот это... до трупов. Я это не видела. Но отошла моя сестра двоюродная. Шли, значит, женщины, пешком шли из города и вот это все было на их... на их глазах.

– Ага. И что было потом?

– Ну потом самое... самое... самое страшное. Самое страшное, что, вот, осталось в моем впечатлении, самое страшное было... это уже где-то был сорок третий... сорок третий год. Да. Сорок третий год. Началась, значит, уже, партизанщина началась тут уже сильно. И начали погром на партизанские селения, начали уже сжигать села. И вот, значит, в нашем доме стояла, ну, венгер... венгерская армия. У нас в деревне называли их «Модяры». Вот так. Это был карательный отряд. Они ехали Октябрьский район, Светлогорский район, Любанский район. Там, значит, были в ос... там была... были партиз... там были, в общем, партизанщина там была. Вот, значит. И они ехали, обоз это был. Вот. Они ехали, они были там неделю, две недели. В общем, они сгоняли, значит, сгоняли людей в одно здание и живьем сжигали. Вот так. Потом они, когда приезжали... вот здесь не очень далеко от нас. Здесь сейчас уже застройка, а здесь был такой луг, короче говоря. И они такое гуляние устраивали, они такие хороводы водили. Они привозили целыми, этими, фурами там всевозможные самотканые изделия, полотна привозили. И все это, значит, полотенца привозили, там, вышитые красиво. И вот все это обвязывались и так уже танцевали. И так веселились. И так через костры прыгали. Что столько у них радости было, что они... это было ужасно. На это смотреть нельзя было.

– Как долго эти «Модяры» были у вас?

– Ну, наверное, около месяца они здесь в нашем доме. И вообще уже... народ вообще они не уважали. Абсолютно. Они были... они были самое настоящее зверье. Они, я сказала бы даже... у немцев некоторые товарищи

были более прилично себя вели с гражданским населением, чем эти «Модяры».

– Сколько их было примерно?

– А черт их знает. Целая часть была. У нас в доме человек пять офицеров в этой половине жи... они жили. Вот.

– Ну а всего сколько: тридцать, сто? Двести?

– Ну это была воинская часть. А сколько их, вот это я уже не скажу Вам.

– Ясно. Сколько деревень они спалили?

– Много. Это только вот есть в этом.. эта... Хатынь... Хатынь такая Минского района.

– Знаю.

– Вот там, там это все известно. Там есть Октябрьский район, Любанский район, Светлогорский район. Там все деревни. Вот так.

– А откуда Вы знали, что они сжигают деревни? Откуда Вы это знали?

– Ну как. Ну, земля же слухами пользуется. Как же не знали. И родственники у людей были, и потом же какое-то же все равно общение между людьми было. Вот так.

– А Вы могли видеть отсюда дым, то есть как горели эти деревни?

– Нет. Дым только. Дым только я видела. Вот когда мы где-то... где-то тетя горела, вот, километров, ну тут, пять, может, от нас. Так это я видела, залазила на грушу и смотрела как там уже деревню подожгли. Село сожгли. Такая Колица есть. Вот. А так нет. Это далеко.

– Так Вы говорили, что они привозили какие-то рукодельные, там, изделия?

– Да, да, да, да.

– Грабили значит?

– Конечно. Они... они же... они же грабили. Безусловно. Вот. И потом они очень радовались, они очень торжествовали. Это...

– Они приехали на машинах или на лошадях?

– На лошадях. Они именно, вот это был обоз. Вот. Были такие здоровенные фуры у них. И вот они уже ехали и, я же говорю, что они уезжали вот так вот – неделю, две их нету. Пока это туда доедут, пока оттуда приедут, пока там свое дело сделают. Это занимало время. Вот. Потом они возвращались. И уж очень сильно они веселились. После таки... после такой работы они очень веселились они.

– А откуда Вы знали, что они «Модяры», что венгры?

– Ну как это? Ну как это откуда знали? Ну, я не могу так конкретно Вам ответить откуда, но это... это... у них, во-первых, форма была другая, другого цвета. Так. Ну и так это...

– Оружие какое они носили с собой? Ну, имели оружие?

– Конечно. Конечно имели оружие. В основном, кто... кто автомат, у кого тут постоянно пистолет висел со стороны, с боку. Ну, так что...

– Что еще было? Что дальше было?

– Что дальше было? Дальше было где-то уже это в сорок четвертом году, весной. Сжигали эти могилы. Сжигали трупы вернее. Не могилы, а трупы сжигали. Вот там построили специально такой небольшой домик. Сжигали здесь, наверное, недели две они сжигали эти трупы. Здесь невозможно было от этого дыма, от этой гари. А оптом, по слухам очевидцев, кто там уже это... этих людей, которых сжигали, они расстреляли.

– Ско... ага. После вот этого расстрела Вам доводилось заходить в то место, где евреи были расстреляны?

– Мне не... мне не доводилось, но, это самое, вот товарищи, которые пасли там скот, когда, значит, в первую весну. Когда, значит, скот там появился, обычно так сразу коровы бросаются. Они чувствуют трупы, они, в общем, разгребают это.

– Разгребают? Как это понять?

– Да. Ну они по всему своими... как это правильно сказать... копытами или как... нет, не копытами, ну, ногами разгребают землю. Ну и там,

конечно, кое-какие товарищи, которые там пасли коров, они там хорошо... там было много золота. Потому что они уже когда шли с... шли, так они уже при себе держали золото. Вот так.

– И после того, как сжигали эти трупы, что еще было? Что? Еще какие события Вы помните?

– Ну такое... ну событий было... событий было много таких, собственно, личных событий. У меня брат ушел в партизаны. Нас преследовали. Нам... брат работал здесь вот, значит, там же у немцев работал он, топил баню. И вот там задержали. Отца... я с отцом поехала, значит, в город. Значит, отца... отца в городе задержали. Мать забра... Здесь в соседней деревне был... Грабово такая деревня здесь... здесь был «лагерь смерти». Потом уже отца привезли на расстрел сюда. Здесь расстреливали. Да. И когда, значит, отца уже забрали, так вот я еще, это была ужасная история в моей памяти. В общем, и в жандармерию, значит, его уже завезли. И я иду, значит, и плачу, плачу, плачу. На лошади были. Значит... «Где мой папа? Где мой папа? Где мой папа?». А тут шли, значит, два офицера немецких и так меня один прикладом толкнул в сторону. Я дальше иду. Дальше иду. Сидит наш товарищ гражданский. Не знаю кто. Я тоже, значит, продолжаю плакать «Где мой папа?». Он говорит: «Иди туда и туда! Вот там, значит. Иди прямо в ту дверь». Значит, я открываю двери. Я, значит, выхожу на улицу. Выхожу на ули... попадаю на улицу и там такая круглая, круглая яма. Круглая яма. Эти, значит, ямы полные трупов. Вот так. И отец там, и еще там несколько мужчин. Стоят, значит, и засыпают. Это вот в Бобруйске прямо во дворе. Я даже помню то место во дворе. Вот. И отец стоял засыпал. И полицейский... наш полицейский... полицейский подскакивает ко мне и меня толкнул. И я ушла. Расплакалась и потом уже на эту лошадь, и домой уехала.

– А отец вернулся потом?

– Отец... Отец... значит, был товарищ один. Немец. Он ухаживал за одной, вроде так в деревне, значит, был разговор, что ой какая она была очень интересная. Очень интересная девушка. И, значит, ей.. с ней офицер, вроде, немецкий встречался. И он сказал, что, значит, дескать: «Я не дам. Я не допущу, чтобы Каменский человек погиб». И вот это, видимо, он, наверное, помог и отца отпустили. Вот так. Вот. Но в это время как раз повезло, значит, что втроем... они втроем ушли парни: мой брат и еще два товарища в партизаны. И вот в это время, в скором, расстреляли вот здесь не очень далеко троих молодых че... значит, человек. И вот, значит, мама, значит, уже на допросе сказала, что, дескать, вот их расстреляли. Вот. «А как это Вы, мать, дескать, не... не пошли и не поинтересовались, не... не... не откопали, значит, не вскрыли эту яму, прочие вещи». Она сказала: «А он такой у нас был, в общем, непослушный такой, этакий». Вот так. Немец, который вел допрос, он только все: «Их свар штын. Их свар штын». В общем, по-немецки. А потом он, что вот: «Я вижу эта женщина говорит всю правду». И вот, значит, это уже мама. Мама там уже спасла папу и себя спасла. А я была одна. Две недели.

– То есть в это время Ваш брат был в партизанах?

– Да. В партизанах был.

– А мама сказала, что, вроде как, он был расстрелян?

– Да, да, да. В это время вот как раз, все буквально в эти дни тут каких-то молодых людей расстреляли, в общем. Вот так. Значит, уже свернули, значит, на этих мальчиков, которые ушли в партизаны. Что это их расстреляли. Так немцы, значит, сказали: «Как это так Вы не поинтересовались, Вы мать, Вы отец. Вы не поинтересовались?». А мама говорит: «Ай, он такой у нас был, дескать...»

– Вот этот двор с ямой, которую отец закапывал...

– Так.

– Это... это что было? Это жандармерия была.

- Это жандармерия немецкая была, да.
- И какого размера, примерно, эта яма была?
- Яма была, примерно, такое... вот, наверное, как... ну не очень большая. Но круглая. Хорошо помню, что круглая. И там было полно трупов. Вот.
- А что там были за люди в этой яме?
- Это уже... это уже... люди. А что за люди, не знаю.
- А что отец рассказывал потом про эту яму?
- Ничего. Ничего не рассказывал. Это было очень приятно то рассказывать, то вспоминать. Все уже.. он был там около месяца уже его привезли. Привезли его на расстрел вот здесь вот. Вот соседняя деревня была – «лагерь смерти». Туда привозили из города и расстреливали. Вот так.
- Так Вашего отца туда повезли?
- Да. Да, да, да, да.
- На расстрел?
- На расстрел, да.
- И что потом?
- Ну а потом, я же Вам говорю, потом мать забрали. Вот. Я была одна. Брата там же задержали, там, где по месту его работы. И я, вот мне уже было где-то тринадцать, наверное, лет или сколько, и я, наверное, две недели жила одна. Спала.. там такая стопка у нас была. На картошке. Плакала. Столько плакала. Думала, буду плакать так, чтобы умереть.
- Так... минуточку, я сейчас пытаюсь понять. Значит, отца повели... повезли в этот «лагерь смерти» после того, как он закапывал эту яму?
- После, конечно. После, после, после. Да. Это он, вот это его забрали. Арестовали, в общем, его. И при том, это самое, кто-то из родственников. Папа у меня был такой очень... очень-очень-очень-очень хотел знать политику. Очень разбирался в политике. И, значит, сделали свое дело там, на рынке, мы с ним сделали свое дело. Нет, я еще пойду, значит... ну

стоял такой стенд или как он называется, не знаю. Где была отмечена линия фронта. Ему очень хотелось там уже ждать. Уже... уже, значит, немцы отступали. Ему это было очень интересно. Он подошел посмотреть: где же там уже фронт. А тут товарищ, его какой-то племянничек, его родственник, говорит: «Вот, это отец партизана.». И все. И его сразу... и при том, в добровольцы его забрали. Потом сдали в жандармерию. Наши. Наши добровольцы. Наши...

– И какая судьба была у отца, когда он попал в этот «лагерь смерти»?

– Ну какая судьба? Вот где-то фотография была. Так уже я не найду. Страшная... там фотографировали, заставляли там еще ему... его пилу точить.

– Он.. он... он выжил или он погиб?

– Нет, нет. Его отпустили. Я же говорю, что потом маму за... мать забрали. И вот потом уже, значит... я считаю, что вот это помог, именно помог этот товарищ немец. Сказал, что «я не допущу, чтобы Каменский житель погибал». Это он там что-то. Но это... это все... это все не известно. Все это не точно. Но такие предположения.

– А Вы говорили, что Вашего брата забрали. Как это было?

– А брата забрали тогда, когда уже брат мой старший (у меня два брата было) ушел в партизаны. Так наша мама, значит, нас расправила, что, значит, мы уже... «Ну, мы погибнем. Мы погибнем. Так мы хоть немножко прожили на свете. А за что же вы, детки, будете погибать. За что? Вы же не жили. Вы жизни не видели.». Ну хорошо, значит, меня отправила (значит, такая есть поселок Глушь, за Глушью деревня Покровки) к дедушке. Так? А брата отправила к тете. К другой уже, значит, к папиной... папиной родне, значит. Отправила в околицу, значит. Ну, тот там посидел, посидел. А он такой был любопытный. Он же разговаривал на немецком языке, он сразу. Сразу с первых дней войны он начал изучать немецкий язык. Вот. И побыл он там, наверное, месяц-полтора и вернулся

домой. Вернулся домой. Но у него какая-то связь... какая-то связь у него была с партизанами. Потому что стояли в лесу... немецкая часть стояла. Так. И при том это... как же эта часть... ай... эссесовцы, по-моему, их называли. Что-то такое, да. И вот два немца, два офицера они приходили, а уже тут постоянной части в это время... В это время в деревне не было. Они приходили, значит, и все. И он, значит, шел с этими немцами и занимался... в общем, переводил. Паненка, значит, мама, значит, не разрешала, а он говорит: «Мама, дескать, к паненкам гулять». Вот так. А это они ходили не к паненкам, они ходили на встречу с партизанами. Это оказывается два немца, два этих эссесовца, они были связаны с партизанами. А этот мой братик все переводил. Вот. И, значит, жители говорят: «Ой, как хорошо. Вчера же немцы в деревне были. Смотри – тихо. А сегодня партизаны. Ой, если бы они встретились, это же бы такая перестрелка была.» А тут все так это, все шло гладко. Но он... он не признавался родителям об этом. Никому ничего не говорил, не признавался. И когда уже то... ему там не сиделось, у этой тети. Он когда возвращался, он доброволец, его... «Ты партизан» - говорит, и ведет его расстреливать. Вот в это время как раз вот эти «Модяры» жили в нашем доме. Вот. Это самое... и, значит, этот уже доброволец. Он уже зашел домой, он думал, что эти товарищи его защитят, а они сказали, что «веди куда ведешь». А он же ведет туда в поле, в болото расстреливать. И вот, значит, мама уже бежит за ним по улице. Вот. Просим его, ноги ему целуем, этому добровольцу, руки, а он ведет все этим прикладом его вперед, вперед, вперед, вперед. Я бегу тоже, плачу. И мама пер... мама зашла к этому своему родственнику, чтобы какую-то уже там пятерку золотую, чтобы откупиться, чтобы спасти его. Вот. И как раз я бегу, соседка рассказала ему, этому немцу. Этот, был там такой Эрик Иберик (???). Вот так. Значит, он спрашивает: «Вали во ист жорст?» («Где есть Джорж?»). И я плачу, говорю, так и так показываю. И он еще ругнулся,

по... поматерился и на велосипеде следом поехал. Он догоняет их. Так? Выры... значит, забирает у него этот автомат, ведет подальше туда в болотистое место. Этого добровольца расстреливает и... ну, а брат, естественно, приходит домой. Все. Вот так.

– А вот эти добровольцы, кто они такие были, эти добровольцы?

– В основном, это были Власовцы. Наши... наши местные шли в полицию, но у нас, в нашей деревне полицейских не было. А вот рядом деревня, это Граба. Там с каждого дома был поли.. пол.. кто.. кто был молодой, то все были в полиции. Вот. А у нас не было полицейских. Ну, добровольцы в основном были Власовцы. Это где-то Украинская какая-то там армия называлась так. Так добровольцы, с наших я не помню, чтобы из наших именно жителей вот, местные были добровольцы. У нас. А вот в соседней деревне, там было очень много полицейских.

– А вот этих добровольцев, как Вы их называете, здесь ваш.. у вас в вашей деревне было много?

– Нет. Это просто были воинские части их. Они же были...

– Они были в форме какой-то?

– Да. Они бы... у них была своя форма. У них была своя форма.

– Ну а полицейских из соседней деревни Вы знали лично? Знали этих людей?

– Ну как... ну, во-первых, там в школе немножко старше ребята были. Так я так знала их. Вот которые уже бы... я была где-то, четыре класса закончила до войны, а были же там товарищи, учились в седьмом классе. Так, из тех тоже были там полицейские. Тогда знала.

– А фамилии, фамилии помните?

– Ой, нет. Уже не помню я фамилии.

– А что делали полицейские? Какая работа у них была?

– Что делали полицейские? Полицейские делали то, что им приказывали.

Ну, и грабили, и убивали. Что... что... что приходилось. Были добрые.

– Я бы хотела чуть-чуть вернуться... чуть-чуть вернуться назад. Вот, к истории, вот, про этот двор, на который Вы смотрели через окошко.

Откуда Вы знали, что там были именно евреи?

– Ну, во-первых... во-первых, иначе как... как это самое... как слово Иуда, не существовало у немцев. Это было первое у них выражение. Так. И во-вторых...

– А Вы слышали как их...

– Конечно. Конечно.

– Через окно вот это слышали?

– Нет. Почему? Нас же... у нас постоянно в доме... дом у нас был неплохой. Вот. И у нас постоянно в доме тут, как только приезжает часть, так сразу... сразу жили офицеры немецкие. Вот.

– Ну, а в этом дворе, что это были евреи, откуда Вы знали?

– Ну, как? Ну я... я Вам не могу точно именно знать откуда, но...

– А на них были какие-нибудь знаки? Какие-нибудь...

– Вот это я не помню. Вот это я не помню. Вот это я не помню.

– Сколько их примерно там было? Евреев?

– И тоже не скажу сколько было. Но только не много. Только не много.

Были, в основном, мужчины. Так, вот, где-то от тридцати до сорока лет.

Вот такие. Именно, что им нужно было типа их использовать как ра... как рабочую силу.

– Но их было больше, чем десять?

– Больше, больше. Так это здесь недели две длилось. Так это каждый день по одному. Это ежедневные такие... это типа было... я вот сейчас, когда маленькая, соображений особо не было, а вот сейчас иногда взвешиваю, что я не помню за что они были привязаны. Видимо, за шею их привязывали. Это типа была виселица.

– А кто их там охранял?

– Ну, немцы.

- А у немцев какая была униформа? Те, которые там во дворе были? Черная, зеленая? Какая?
- Нет. С... обыкновенная немецкая форма, какая у них и была. Вот так. Обыкновенная немецкая форма.
- Вы видели как их туда, во двор, привезли?
- Да. Ворота открыты были. Ворота были, забор был высокий. Тут все было вокруг у нас огорожено. Вот так. И привезли их. И жили они в сараях. В сарае в этом, там, где были животные. Где был скот до войны. Все. А потом уже скот весь вывезли. Вот так.
- А их привезли на грузовиках, на лошадях, или пешком?
- На грузовиках. На грузовиках. На машине приве... нет, это, наверное... этих, наверное, привезли на лошадях, потому что именно стоял как... как в деревне говорили, обоз. Именно это были лошади и были такие здоровенные фуры. И вот им нужно было, чтобы была рабочая сила. Вот так. Вот это, подковывали лошадей, а по вечерам, значит... днем подковывали, значит, а по вечерам они делали такое развлечение. Вот так.
- А в... я... если я правильно поняла, в том же самом дворе до этого стояли военнопленные?
- Военнопленные. Военнопленные, да.
- А кто-нибудь... вот Вы говорили, что они были голодные. Кто-нибудь пытался, вот, подать им что-нибудь?
- Ну так вот мой брат, значит. Этот самый брат, которого уже вели расстреливать. Значит, он... у нас такой был забор, «чистокол» назывался. Вот так плетеный палками. Значит, он... мама пекла хлеб. Он стал плакать: «Мамочка, так и так...». Ну мама взяла, там, две булки хлеба, или три, не помню. Значит, разрежала этот хлеб на кусочки, в качол... в корзинку, так. Он подполз. Подполз, потому что везде стоял патруль, везде стояли немцы. Он этот вот так раздвинул, ну и так начал бросать этот хлеб туда. Ну, естественно, если бы они подходили, брали по одному человеку,

и брали по кусочку там, так это было бы незаметно. Но так как люди голодные, они все набросились. Как они набросились, значит, так давай же тут все. И давай по этому братику, по моему стрелять. Вот, значит. Я вижу потом, там недалеко пошла в сей (???). вижу, значит, тут выстрелы и мой братик бежит через улицу бегом. Все, значит, я бегом домой. Бегом домой. Тут уже немцы в доме. Все. Мама уже лежит. Маму уже прикладом, значит, ударили, мама уже лежит полумертвая. Все, значит, тут что у нас было, какие тут уже... какой-то сундук стоял, какие были вещи, все это протресли. Все это вы... все, значит. И ищут его. Но благо, что он там жил. Недалеко от нас были кусты, и он туда, значит... и болотистая местность. Он туда заполз. Они бегали, бегали там по картошке, искали, искали. Не нашли, значит. И хорошо, что был второй брат. Один постарше, второй моложе. Значит, все. И вот они преследовали, каждый день ходили: «Это ты?». Мама их старалась уже... пошила льняные сорочки одинаковые и одевала их одинаково. «Нет, это мой брат. Нет, это мой брат.». Ну, так они уже отстали. Вот и все.

– Ну, какие еще на Ваших глазах происходили преступления?

– Ну вот, это самое, это где-то в первые дни войны. В первые дни войны зашли к нам во двор товарищ... значит, человек, так, пять-шесть мужчин, средних лет, не русской национальности, видно. И они так разговаривали на ломаном русском языке. И они, конечно, пришли попросить покушать. Может, видимо, они, может, с какой... может, какие заключенные. Не знаю. Ну, значит, их же сразу немцы не очень далеко вывели здесь, расстреляли. Потом, значит, мужики пошли. Мужчин из деревни взяли, их закопали. Не очень далеко здесь.

– А Вы выстрелы слышали?

– Конечно. Это вот было на глазах. Вот там немножко. Вот там есть спрагалина (???) такая. Туда вывели в низину и расстреляли их.

– А Вы видели как стреляли? Можно было видеть?

- Нет, я не видела, как стреляли, но уже знаю, что их расстреляли и... и сосед, вот тут сосед, и еще потом моложе мужчина. Закапывали их. Ямы выкопали. Немцы сразу погнали, чтобы закопать их.
- А на какую национальность они похожи были? Как Вы могли бы сказать: на кого, как Вам показались, похожи?
- Может... кто-то один, по-моему, был узкоглазый. Вот. может, и... может, какие армяне... может. Не знаю кто. Но...
- Они были как одеты? Вы не...
- Ну, были они так не нарядно одеты. Нет. Больше всего, вот, у моих родителей сложилось мнение, что это заключенные.
- Ну это они говорили... то есть они были одеты не в униформу?
- Нет, нет, нет, нет, нет. Нет.
- А, вот, откуда Вы знали, что, вот, когда вели военнопленных, и они там падали и, как говорили, их застреливали, что Ваш отец потом ехал их закапывать? Вы говорили, Ваш отец тоже е... был.
- Да.
- Откуда Вы знаете, что отец закапывал эти тела?
- Ну как это откуда знаю? Это же жизнь. Вот.
- Отец рассказывал или?..
- Конечно. Мужчины.. муж... мужчин собирали из деревни и они закапывали. Как же.
- А вот потом, когда под... подожд...сжигали заживо, вот, военнопленных, да?
- Да.
- Военнопленных?
- Да.
- Вы говорили, что Вы видели дым, а пламя Вы могли видеть? Зарево там какое?

– Зарево видно было, и дым. К нам дым приходил. Это где-то километров десять от нас, но дым и до нас доходил. А люди там, из ближайших. Вот там Лекерта... даже слышали крики из ближайших деревень. Это был, говорят, сплошной рев.

– В котором году это все было?

– Это было в сорок первом году на октябрьские праздники. Ев... военнопленных сжигали в ночь с шестое на седьмое ноября. А уже седьмое ноября утром везли расстреливать евреев. Вот так. А где-то через несколько дней, уже не помню точно дату, уже гнали. Моя сестра двоюродная тут и соседка шли... шли из города пешком, значит, это. Вот, значит, и видели вот эту всю историю. Это все происходило на глазах. Вот так.

– Вот, когда Вы смотрели через это окошко на этот круг, на эту лошадь, которая тащила человека...

– Да, да, да.

– ... примерно какая... какое расстояние могло быть между окошком и вот этим кругом?

– Ну, это. Ну, может, метров... метров, может, два... так я вот сейчас могу показать наглядно. Там уже люди поселились, построились. Но это наглядно, я помню то здание.

– Ну, примерно?

– Ну, метров двадцать, может быть. Не больше. Не больше. Это вот все за нашим домом. Наша стенка дома, сейчас уже мы загородили там немножко. Вот это была стенка дома нашего – это был забор. А так, ну, немножко на отшибе, стояло такое здание. Там были, значит, это самое, называли так в колхозе «молочник». Там были такие котлы вмазаны, где кипятилась вода, где мылись фляги. Там цыдилось (???) молоко. Вот так.

– Ясно. В прошлый раз, когда Вы... Вы рассказывали, Вы на вопрос, значит, «откуда Вы знаете, что эти люди были...

- Евреи.
- ... еврей».
- Да.
- Вы сказали... Вы сказали, что они были похожи на евреев. Помните?
- Да. Да.
- Похожи на евреев?
- Да. Конечно.
- А могли бы Вы как... так сказать, пояснить как выглядели еврей? Чем они отличались? Почему Вы?..
- Не знаю.
- Какие они были?
- Ну, не скажу я Вам. Ну, не скажу я Вам. Вот Вам, примерно, я не определю кто Вы. Вот так. А вот этого товарища с хвостиком, этого второго товарища... вот, симпатию мою, значит, там... по-моему, израильтянин он. Так я сразу сказала, что это... что это типичный еврей. Это очень похожи на евреев.
- Ясно.
- А есть некоторые, которых не определишь. Вот так.
- Теперь вот эти «Модяры», они жили у Вас в доме? Да?
- Да.
- Вы помните, Вы слышали, наверное, как они говорят?
- Слышала, как они говорят.
- Слышали? На каком языке они говорили?
- На своем, естественно. Вот. но это было. Это были ужасные хамы. Вот, допустим, вот такой пример, значит. Вот там у нас, значит, у Геши стоит диван мой. Значит, там стояла печка у нас такая большая. Около печки стоял там дальше стол стоял, значит, мы там кушали. Вот. А он, значит, приходит умывается там, значит. Такие, в основном, были полные такие, красивые, солидные. И он так до пояса умывается. И потом, когда вот там

же, что там во время войны могла там мама приготовить? Он приходит так «фррррр». И папа потом бросает ложку и... и маты загнет. И бросает уже. Это... это было свинство. Самое настоящее свинство.

– То есть Вы этого языка не понимали, на котором они говорили?

– Нет, нет, нет, нет. Нет, нет, не. Только когда мой, значит, брат ушел в партизаны, так они все спрашивали. Значит, брат – это по их «Батька». «Где батька? Батька? Батька?». «Вот папа. Вот папа.» - показываю. Значит, это по-белорусски, это «батька», это уже значит... ага, значит, «Где батька?». Значит, добивались все, где батька. Я говорю: «Вот. вот батька, значит». А он, брат мой тот, хорошо очень пел, который в партизаны ушел. А он показывал, что «о-го-го». В общем, что поет. Где тот?

– А, вот, брат, который пел, он был старший?

– Старший был. Старший.

– Ага. Какое... какие были имена Ваших братьев?

– Аркадий и Джорж. Аркадий ушел в партизаны. За что... меня никто... никто не будет слышать, что я сейчас скажу? За что получил очень большую благодарность. Когда, значит, в сорок третьем. Значит, все время был где-то. В Осиповичах все подрывали, значит, железные дороги, потом в сорок третьем году осенью в Паричах прорывали линию фронта партизаны, значит. И он уже служил в действительной армии. Так. И когда уже, значит, попал... был в танковой части. И когда попал в эту самую... в Германию, так, и потом, значит, их... а до войны он закончил десять классов. И когда послали, значит, где-то, не помню... в Россию поступать в высшее учебное заведение, одного товарища, значит, который не был во время оккупации, так, он сдал экзамен лучше, но его не приняли, потому что он был на оккупированной зоне. Вот так. А того товарища зачислили в военную академию. Вот. Он очень, очень много заслужил, потому что был трижды... трижды ранен. Вот так. Все.

– Значит, был Аркадий и Джорж?

– ... и Джорж. Вот. ну, Джордж такой. Джорж... Джорж окончил... служил, значит, он действительную... в Калинин. Он окончил, это самое, Высшую вое... военно-воздушную Академию имени Жуковского в Москве. Был очень умны товарищ. Но, однако, за то, что был в оккупации, он выше полковника не получил. Вот так. А с... с его головой, с его умом... он был очень умный товарищ. Он мог быть, мог занимать очень большую должность. Вот и все. Вот так.

– Есть ли еще что-нибудь нам рассказать? Что?

– Ну, что рассказать? Что рассказать? Рассказать, что... боюсь, что это... пусть бы... тут ничего не записывается? Вы что? Если не дай Бог...

– А что? Чего Вы боитесь?

– Ой, я боюсь. Боюсь. Что Вы... я бы сказала много чего.

– Власти?

– Уже жизненный опыт подсказывает: много чего сказать. Но никто не спрашивает.

– Соседей боитесь или власти? Или тех, и других?

– Наверное, последних.

– Ясно. Спасибо Вам большое!

– Пожалуйста Вам большое. Я бы много сказала. Вот так.